

Н. Г. Пашкин

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

БИТВА У ГАЛЛИПОЛИ 1416 Г.: ВИЗАНТИЙСКИЙ СЛЕД

В статье рассматриваются причины и значение морского сражения, произошедшего между турками и венецианцами в 1416 г. в Дарданеллах. Обстоятельства, спровоцировавшие битву, были следствием политики византийского императора Мануила II Палеолога, который балансировал между латинским Западом и Османской державой. Ситуацию осложнял конфликт между Венецией и венгерским королем Сигизмундом Люксембургом, который с помощью антитурецкой коалиции, куда стремился включить и византийского императора, пытался давить на Венецию. Венеция, напротив, добивалась договора с султаном Мехмедом I. Это соперничество усиливало угрозу турецкой агрессии против Византии. Чтобы избежать ее, император решал одновременно две задачи: не допустить организации Сигизмундом крестового похода и не позволить Венеции без посредничества Византии заключить договор с турками. Для этого византийцы, во-первых, имитировали подготовку к переговорам по церковной унии; во-вторых, использовали принца Мустафу как ложного претендента на османский престол. Эти действия создавали иллюзию намерений императора поддержать план Сигизмунда. Одновременно они вызвали недоверие османов к Венеции, так как султан рассматривал Республику в роли тайного союзника Мустафы. В результате Венеция оказалась перед вынужденным выбором между султаном и османским принцем, чтобы сорвать предполагаемый союз Византии с Сигизмундом. Это спровоцировало столкновение Республики с турками у Галлиполи. Победа Венеции разрушила проект антитурецкой коалиции венгерского короля, а византийцы получили возможность сохранить международное равновесие как гарантию безопасности Константинополя.

Ключевые слова: Византия; Венеция; Констанцкий собор; Сигизмунд Люксембург; турки

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 25-78-10205 «Социум городских центров северо-восточного Средиземноморья XIV–XV вв. в условиях внешней угрозы» (<https://rscf.ru/project/25-78-10205/>).

Цитирование: Пашкин Н. Г. Битва у Галлиполи 1416 г.: византийский след // Античная древность и средние века. 2025. Т. 53. С. 329–354. <https://doi.org/10.15826/adsv.2025.53.019>

Поступила в редакцию: 15.09.2025

Принята к печати: 07.11.2025

Н. Г. Пашкин

Nikolai G. Pashkin

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

BATTLE OF GALLIPOLI OF 1416: THE BYZANTINE TRACK

This article examines the causes and results of the naval battle between the Turks and the Venetians in 1416 in the Dardanelles. The circumstances provoking the battle were the consequence of the policy of the Byzantine Emperor Manuel II Palaiologos, who was balancing between the Latin West and the Ottoman Empire. The situation was complicated by the conflict between Venice and the Hungarian King Sigismund of Luxembourg. Sigismund tried to put pressure on Venice by the anti-Turkish coalition and sought to include the Byzantine Emperor in it. Venice, on the contrary, sought an agreement with Sultan Mehmed I. This rivalry increased the threat of Turkish aggression against Byzantium. Avoiding it the Byzantine emperor solved two tasks simultaneously: to exclude the possibility of organizing a Crusade by the King Sigismund and to avoid concluding an agreement between Venice and the Ottomans without the mediation of Byzantium. The Byzantines used two means in their policy. First, they imitated preparations for negotiations on the Church Union. Secondly, the Byzantines manipulated the figure of Prince Mustafa, who played the role of a false pretender to the Ottoman throne. These actions created an erroneous assumption about the Byzantine Emperor's intention to support the King Sigismund's plan. At the same time, they aroused the Sultan's distrust of Venice, as the Turkish leader viewed the Republic as a secret ally of Mustafa. Venice was forced to choose between the Sultan and the Prince to disrupt the alleged alliance of Byzantium and Sigismund. This provoked the clash between the Republic and the Turks at Gallipoli. The victory of Venice destroyed the project of the anti-Turkish coalition of the Hungarian King, and the Byzantines got an opportunity to maintain international balance as a guarantee of Constantinople's security.

Keywords: Byzantium; Venice; Council of Constance; Manuel II Palaiologos; Sigismund of Luxembourg; Turks

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 25-78-10205 *Society of Urban Centers of the North-Eastern Mediterranean in the 14th–15th Centuries in Conditions of External Threat* (<https://rscf.ru/project/25-78-10205/>).

For citation: Pashkin, N. G. (2025). Bitva u Gallipoli 1416 g.: vizantiiskii sled [Battle of Gallipoli of 1416: The Byzantine Track]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 53, 329–354. <https://doi.org/10.15826/adsv.2025.53.019>

Submitted: 15.09.2025

Accepted: 07.11.2025

Летом 1416 г. Европу облетела новость о том, что в Дарданеллах у крепости Галлиполи венецианская эскадра под командованием адмирала Пьетро Лоредана разгромила турецкую флотилию. Эта победа была, пожалуй, первым крупным успехом христиан в борьбе со стремительно набравшей силу державой Османов. Но если ее военные аспекты неплохо изучены¹, то подлинные причины и последствия, пожалуй, далеко не так очевидны. Попытка разобраться в проблеме выводит нас на необычайно запутанный, но крайне важный в этой истории византийский след.

Решение поставленной задачи требует в первую очередь осмысления внешнеполитических интересов Византийского государства того периода. Начало XV в. было, безусловно, временем его военно-политической слабости. Однако эта слабость в определенной степени компенсировалась возможностью играть на противоречиях между силами, формировавшими геополитический ландшафт вокруг империи ромеев. На одной его стороне находилось Османское государство, которое переживало процесс становления, не успев до конца преодолеть последствия катастрофы, постигшей его после поражения при Анкаре (1402). Вызванное этим «междоусобице» формально завершилось в 1413 г. воцарением султана Мехмеда I (1413–1421), чему способствовал его договор с византийским императором Мануилом II Палеологом (1391–1425). Узвимым местом державы османов продолжала, однако, оставаться связь между ее азиатской частью (Анатолией) и европейскими вла-

¹ Основным источником по истории сражения является доклад адмирала Пьетро Лоредана. Оригинальный текст не сохранился, но он воспроизведен в сочинениях венецианских историков XV–XVI вв. Антонио Морозини («*Morosini Codex*») и Марино Санудо («*Vitae ducum Venetorum*»). Некоторые сведения дают труды византийских историков Михаила Дуки, Георгия Сфрандзи, Лаоника Халкокондила и фрагменты из неизданной рукописи венецианского хрониста XVI в. Гаспара Занкаруоля. См.: *Manfroni C. La battaglia di Gallipoli e la politica veneto-turca (1381–1420)* // *L'Ateneo Veneto. Rivista di scienze, lettere ed arti*. 1902. Vol. 25/2. P. 3–34, 129–169; *Antoniadis S. Le récit du combat naval de Gallipoli chez Zancaroulo en comparaison avec le texte d'Antoine Morosini et les historiens grecs du XVe siècle* // *Venezia e l'Oriente fra tardo medioevo e rinascimento* / ed. A. Pertusi. Firenze, 1966. P. 267–281; *Christ G. News from the Aegean: Antonio Morosini Reporting on the Battle of Gallipoli (Early 15th Century)* // *The Byzantine-Ottoman Transition in Venetian Chronicles* / ed. S. Kolditz, M. Koller. Roma, 2018. P. 139–162; *Melville-Jones J. The Battle of Gallipoli 1416: A Detail Rescued from a Chronicle* // *The Medieval Chronicle*. 2018. Vol. 11. P. 213–219.

дениями (Румелией). Хотя в турецких руках и находилась крепость Галлиполи на европейском берегу Дарданелл, без сильного флота контроль над проливами был невозможен. Проблема усугублялась тем, что в Анатолии силой, с которой приходилось считаться султану, выступали бейлики. Не имея над ними превосходства, турецкий правитель вынужден был оглядываться на византийского императора, контролировавшего переправу через Босфор.

Другим геополитическим игроком был латинский Запад, но раздиравшие его внутренние противоречия делали крайне проблематичным объединение входивших в него сил. Союз императора с латинянами против турок мог лишь спровоцировать агрессию османов, которая бы стала фактором, используемым западными игроками друг против друга. Однако ничто не мешало, не преследуя такую цель в действительности, эффективно манипулировать ею. Выступая в роли потенциального союзника для одних или врага для других, василевс мог удерживать баланс между разными центрами силы. Именно в нем, по-видимому, и заключалась последняя гарантия сохранения Византийского государства.

В это время для византийской политики на Западе особую актуальность приобрел конфликт Венецианской республики и венгерского короля Сигизмунда Люксембургского (1387–1437, с 1410/1411 г. – римский король, с 1433 г. – император)². Кризис начался в 1409 г., когда Венеция заявила о своих правах на спорное побережье Далмации. Через два года, когда Сигизмунд стал римским королем и претендентом на императорскую корону, политическое противостояние перешло в первую фазу военного столкновения (1411–1413). В апреле 1413 г. стороны подписали перемирие сроком на пять лет, признав в роли посредника папу. Правда, ситуацию осложняла еще не до конца завершенная латинская схизма (1378–1417), а потому Сигизмунд возлагал большие надежды на церковный собор в немецком Констанце, о котором осенью 1413 г. объявил папа Иоанн XXIII (1410–1415). В планах монарха была императорская корона, которая могла оформить его альянс с Римом. Оказав тем самым давление на Венецию, он надеялся окончательно решить проблему с Республикой

² *Wakouning M.* Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum. Wien, 1990.

под знаменем крестового похода. Для этого Сигизмунд планировал направить в Англию и Францию миротворческую миссию, чтобы примирить враждующих правителей и привлечь их к альянсу. Кроме того, предстояли переговоры с Фердинандом I Арагонским (1412–1416), опекавшим бывшего «авиньонского» антипапу Бенедикта XIII (1394–1423), чтобы приобрести еще одного союзника. Наконец, внимание короля было обращено и на византийского императора. В 1414 г. Сигизмунд предложил Мануилу II отправить дипломата на грядущий церковный собор³. В случае успеха он получал шанс изолировать Венецию и принудить ее к заключению мира, гарантией которого стало бы вступление Республики в антитурецкую коалицию.

Между тем Венеция была заинтересована не в участии в крестовом походе на стороне своего политического соперника, а в заключении выгодного соглашения с османами. В августе 1411 г. Республика уже пыталась заключить договор с принцем Мусой Челеби (1411–1413) после его победы над его братом Сулейманом (1402–1411). Однако Муса недолго удерживал власть над Румелией⁴. В 1413 г. османский престол был захвачен Мехмедом I. Отсутствие договора с новым султаном стало проблемой для Венеции, но именно тогда она получила от василевса, имевшего такой договор, первое предложение о посредничестве в конфликте с Венгерской короной. В январе 1414 г. сенат его отклонил, сославшись на то, что роль посредника передана папе⁵. Истинные

³ Письмо Сигизмунда Мануилу II было направлено после визита к королю византийского дипломата Иоанна Хрисолоры летом 1414 г. (см.: *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453*. München ; Berlin, 1965. Bd. 5. № 3339). Текст документа см.: *Acta Concilii Constantiensis / hrsg. von H. Finke. Münster, 1896. Bd. 1. S. 399–401* (далее – АСС). Об отношениях Византии с королем Сигизмундом накануне Констанцкого собора см.: *Паушкин Н. Г. Византия и Запад на пути к Констанцскому собору // АДСВ. 2021. Т. 49. С. 278–304; Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II // JÖB. 2017. Bd. 67. S. 43–64; Mureşan D. I. Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue // *Emperor Sigismund and the Orthodox World / hrsg. von E. Mitsiou, M. Popović, J. Preiser-Kapeller. Wien, 2010. S. 41–102*.*

⁴ *Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden ; Boston, 2007. P. 177–178.

⁵ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romania / ed. F. Thiriet. Paris, 1959. T. 2. № 1514*.

причины отказа, скорее всего, были понятны императору. К тому времени на Западе решился вопрос о церковном соборе, местом для которого был назначен имперский город Констанц. Для Венеции это означало, что Сигизмунд попытается использовать собор и понтифика, чтобы привлечь греков на свою сторону. Однако у Республики был шанс сорвать данный план. Собор под лозунгом прекращения схизмы имел право потребовать отречения всех антипап, которых на тот момент насчитывалось три, после чего выборы нового понтифика могли быть отложены. Такой шаг позволял предотвратить возможное сближение Сигизмунда с византийским императором при посредничестве папы, так как оформление союзных отношений должно было сопровождаться переговорами о церковной унии. Изолировав императора от контактов с королем, венецианцы могли получить контроль над политикой Константинополя, усилив тем самым свои позиции перед султаном.

Византийский правитель оказался в непростой ситуации. Вражда между западными державами провоцировала рост турецкой опасности для Византии. По-видимому, получив отказ Венеции на свое предложение, василевс и должен был начать сложную политическую игру. Наиболее оптимальной для него стратегией являлось балансирование между османами и разными лагерями латинского Запада. Хотя создание антитурецкой коалиции не входило в его планы, император должен был внушать всем обратное. Одна лишь угроза его сближения с римским королем становилась фактором, влиявшим и на турок, и на венецианцев. Первоочередной задачей для Мануила II было не допустить заключения венецианско-турецкого соглашения, которое в условиях конфронтации на Западе неизбежно спровоцировало бы турецкую агрессию против Константинополя при нейтралитете венецианцев. Византия однажды уже испытала этот опыт, когда Венеция договаривалась с Мусой Челеби, осадившим византийскую столицу в 1411 г.

Османскому же султану соглашение с Венецией было необходимо так же, как и самой Республике. В ином случае Мехмед I не оставил бы Венеции иного выбора, как принять участие в крестовом походе. Вероятность этого была высока, если бы прежде к коалиции с Сигизмундом присоединилась Византия. В результате Венеция и султан равным образом должны были искать путь к соглашению с оглядкой на василевса. Допустить же такое

соглашение он мог лишь при определенных условиях, которые еще предстояло создать. Если целью византийской политики был баланс сил, то несложно представить его основания.

Императору требовались от Венеции обязательства, гарантирующие безопасность Константинополя со стороны турок, но без риска разрушить мир между Византией и султаном. На практике это требование означало контроль над проливами, не угрожавший самому существованию османской державы. Такой контроль мог иметь только коллективную форму, позволяющую гарантировать обязательства, принимаемые на себя Венецией, принципом взаимности. Силой, сопоставимой на море с Республикой Святого Марка, могла выступать лишь Генуя. Включение ее в указанное соглашение о проливах диктовалось не просто необходимостью регулирования взаимных противоречий. Генуэзцев следовало рассматривать как потенциальных союзников Венгерской короны, а потому их участие в морском соглашении служило бы интересам венецианцев, так как помогало бы сковать их противника в лице Сигизмунда. Но если альянс короля с генуэзцами мог состояться в рамках антитурецкой коалиции, то прежде следовало надежно заблокировать Сигизмунду дорогу, ведущую к ней. Решив эту задачу, Византия получала шанс направить действия Венеции в нужное русло – в сторону договора о проливах. Опыт такого рода ранее уже имел место. Он был отражен в международном соглашении, достигнутом в Галлиполи в 1403 г. по итогам битвы при Анкаре⁶. Хотя тот договор затем утратил силу из-за внутриосманской междоусобицы, его принципы, как покажут дальнейшие события, все еще оставались для Византии актуальными.

Открытие Констанцского собора (1414–1418) в ноябре 1414 г. положило начало действиям византийского императора на разных направлениях, но явно связанных общей целью. По приглашению короля Сигизмунда на церковный собор в начале 1415 г. отправился византийский посол Мануил Хрисолора. Его официальная миссия началась в Констанце не ранее, чем он смог засвидетельствовать неотвратимость отречения папы Иоанна XXIII⁷. Собор добился от понтифика согласия на это

⁶ *Dennis G.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // *ОСР.* 1967. Vol. 33. P. 72–88.

⁷ *Пашкин Н. Г.* Византийская загадка Констанцского собора: к вопросу о мотивах императора Мануила II Палеолога // *АДСВ.* 2023. Т. 51. С. 432–451.

в марте 1415 г. То же самое полагалось применить в отношении двух других антипап, хотя убедить удалось только одного из них – Григория XII (1406–1415). Бенедикт XIII по-прежнему оставался под покровительством арагонского монарха. Последовавшая затем попытка бегства Иоанна XXIII с собора, а также суд над ним затянули процесс низложения еще на два месяца. К тому моменту византийский дипломат уже скончался. Цель его визита на Констанцкий собор так и не была оглашена. Но ответ и заключается в том, что одним лишь своим появлением посол внушал мысль о возможности переговоров по церковной унии, которые оформили бы союз Византии с Сигизмундом. А чтобы исключить инициативу в этом вопросе от самого короля через посредничество папы, дипломат по прибытии в Констанц сохранял статус частного лица до момента истечения полномочий понтифика. После низложения последнего та же задача решалась простым присутствием посланника на церковном соборе, так как избрание нового папы состоялось лишь спустя два года.

Если присутствием на соборе своего представителя Мануил II поддерживал надежды Сигизмунда, то по этой же причине не мог не вызывать опасений у Венеции. Одно лишь предположение, что он допускает возможность коалиции с королем, удерживало морскую республику от попыток соглашения с султаном. Последний же, не наблюдая признаков готовности венецианцев к переговорам, имел повод сомневаться в их миролюбивых намерениях. И чем сильнее было это недоверие, тем устойчивее был мир между султаном и Византией. В его сохранении Мехмед I должен был видеть единственный шанс избежать войны с объединенным христианским миром.

Отправка дипломата на Констанцкий собор стала лишь первым ходом императора. Совсем не случайно в это же время на политическом горизонте появилась фигура османского принца Мустафы, считавшегося пропавшим после битвы при Анкаре брата султана Мехмеда I⁸. В историографии он считается самозванцем, но здесь важно другое. Косвенные данные указывают

⁸ *Mollaoğlu F. K.* “Düzmece” olarak anılan Mustafa Çelebi ve Bizans (1415–1416/17) // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi*. 2009. Vol. 49, No. 2. S. 173–185.

на то, что ситуация с ним была спровоцирована греками. Византийцы сумели навязать венецианцам, вопреки их интересам, участие в судьбе этого персонажа⁹. Не иначе, как с их помощью, Мустафа смог уже в 1415 г. покинуть Анатолию и переправиться через гавань Синопа в Европу, найдя на первых порах пристанище в Валахии. Тем самым условия для мятежа против османского правителя были созданы.

Разыгранная комбинация была на руку византийцам. Султан, конечно, мог предполагать их след за спиной Мустафы, но скорее должен был подозревать, что инициатива исходит от венецианцев. Последним можно было приписать намерение использовать принца для раскола османской державы или для будущего торга с ее правителем. Сама же Венеция понимала роль греков в истории с Мустафой, но едва ли могла постичь их мотивы. Приходилось просчитывать несколько возможных вариантов. Предположительно император мог использовать Мустафу, чтобы посеять смуту среди османов и разорвать отношения с султаном. Такой сценарий означал в дальнейшем либо присоединение Византии к королю Сигизмунду, либо раскол османских владений. Но нельзя было исключать, что Мустафа нужен василевсу лишь для того, чтобы крепче связать султана узами мира. Последний вариант Венецию устраивал, если бы в нем нашлось место ее собственному соглашению с турками. Но до тех пор, пока истинные цели императора были покрыты туманом, Республика не могла сделать уверенный шаг ни в сторону султана, ни в сторону Мустафы.

Между тем действия василевса делали эту загадку все сложнее. В марте 1415 г. Мануил II прибыл в византийскую Морею, ставшую конечным пунктом в его долгом морском путешествии из столицы¹⁰. Вслед за этим на Коринфском перешейке активизировались начатые ранее работы по обновлению крепостных стен Гексамиліона, охранявшего доступ на Пелопоннес¹¹. 23 июля венецианский сенат отозвался на послание императора, датированное 26 июня, где тот сообщал о своем пребывании

⁹ Пашкин Н. Г. Византийская загадка Констанцкого собора... С. 444–446.

¹⁰ Barker J. W. Manuel II Palaiologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969. P. 298–310.

¹¹ Ibid. P. 310–311.

на полуострове и об успехах развернутого строительства¹². Разумеется, в Венеции не могли не знать как о том, что василевс находится в Морее уже три месяца, так и о проводимых там фортификационных работах, а потому цель отправленного сообщения явно была не в простом информировании. Республике намеренно демонстрировали факт близкого завершения мероприятий по укреплению перешейка. Но Гексамилион защищал не только византийские владения, но и венецианские базы и крепости на Пелопоннесе. Должно было сложиться мнение, что греки не только сами готовятся к вероятному столкновению с турками, но и намерены связать себя в будущей борьбе союзом с Венецией. Мануил II действительно просил Республику при необходимости оказать византийцам помощь в обороне Гексамилиона.

Реакция на это была крайне противоречивой. Сенат выразил удовлетворение по поводу строительства крепостных стен и обещал грекам военную помощь в защите перешейка, исходя из конкретных обстоятельств. Однако несколько иначе звучали рекомендации, подготовленные в тот же день непосредственно венецианским властям на Пелопоннесе¹³. В случае турецкой атаки на Гексамилион от них требовалось обеспечить безопасность собственных владений и на этом основании отказать византийцам в помощи, ссылаясь на недостаток сил или под каким-либо иным предлогом. Таким образом, Венеция не желала, чтобы вопрос ее войны с турками зависел от воли императора и не хотела быть автоматически втянутой в будущий конфликт. Стремясь избежать его, сенат решил направить указания своему байло в Константинополе Франческо Фоскарини. Вопрос был поднят в связи со слухами о недовольстве султана отсутствием договора с Республикой¹⁴. Источником таких слухов, скорее всего, были византийцы, которые старательно загоняли венецианцев в ловушку выбора между османским

¹² *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1583; *Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle.* Paris, 1899. Т. 1. P. 231–232; *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden...* № 3351.

¹³ *Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen âge / ed. K. N. Sathas.* Paris, 1882. Т. 3. P. 116 (см.: *Zakythenos D. A. Le Despotat grec de Morée (1262–1460).* Paris, 1932. Т. 1. P. 169).

¹⁴ Решение о подготовке переговоров с султаном рассматривалось в тот же день, когда был дан ответ византийскому императору. См.: *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1584; *Jorga N. Notes et extraits...* P. 233–234.

правителем и принцем Мустафой. Фоскарини полагалось заняться проблемой переговоров с султаном при посредничестве Иоанна Палеолога – старшего сына императора, замещавшего отца в столице. Но решение проблемы грозило затянуться, а между тем без действующего договора с османами Венеция имела основания беспокоиться за безопасность своих владений в Эгейде.

Одновременно венецианцы внимательно следили за действиями короля Сигизмунда. 19 июля тот оставил Констанцкий собор и выехал в Перпиньян для переговоров с арагонским королем Фердинандом I¹⁵. Формально вопрос касался судьбы последнего антипапы Бенедикта XIII, но от его решения зависела возможность заключения союза между двумя монархами. В случае присоединения Арагона к крестовому походу проблемой для Венеции могло стать появление в Эгейде каталонского флота. Другим поводом для беспокойства было намерение Сигизмунда выступить посредником между английским королем Генрихом V (1413–1422) и французским монархом Карлом VI (1380–1422). Проект создания за Альпами тройственного альянса был задуман им еще накануне Констанцкого собора¹⁶. И, наконец, на фоне пропаганды крестового похода Республику не могли не тревожить явно намеренно провоцируемые слухи о тайном сотрудничестве ее с турками. К тому же 30 августа Констанцкий собор специальным манифестом призвал всех христиан помочь венгерскому королю в защите его владений¹⁷. Перед Венецией теперь стоял вопрос не просто о защите репутации. Следовало опасаться, что антитурецкая кампания послужит поводом для ответной реакции византийского императора, что вынуждало Республику действовать на опережение.

Именно так можно объяснить решение венецианского сената от 31 августа 1415 г.¹⁸ Оно включало в себя проект создания

¹⁵ О переговорах в Перпиньяне см.: *Catafau A., Jaspert N., Wetzstein T.* The Meeting of Perpignan (1415). Approaches to an Underestimated Event // *Perpignan 1415. Un sommet européen à l'époque du Grand Schisme d'Occident* / ed. A. Catafau, N. Jaspert, T. Wetzstein. Zürich, 2018. P. 1–27.

¹⁶ *Reitemeier A.* Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422. Paderborn, 1999. S. 268.

¹⁷ ACC. Münster, 1928. Bd. 4. S. 659–662.

¹⁸ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1589.

антитурецкой морской христианской лиги, в которую планировалось пригласить родосских рыцарей, генуэзские колонии Хиоса и Лесбоса и, наконец, Византию. Принципиальное значение имела заявленная оборонительная направленность планируемого соглашения, так как его морской характер и не мог означать ничего другого, кроме борьбы с турецким пиратством и патрулирования проливов. Это означало ограничение военного потенциала турок, но не подразумевало разгром османской державы и, следовательно, не противоречило существовавшему на тот момент соглашению византийского императора с султаном. Поэтому выход Венеции с подобным проектом являлся серьезным успехом византийской дипломатии.

По прошествии чуть более трех недель сенат Республики рассматривал обращение Мануила II, в котором было выражено его благожелательное отношение к представленному проекту¹⁹. На это был дан ответ, что переговоры с другими возможными участниками будущей лиги поручены венецианскому наместнику о. Андрос Пьетро Зено. Но в послании василевса были и другие пункты. Одним из них была просьба направить к нему посла, хотя цель, для которой он был необходим, не оглашалась. Кроме того, Республику в деталях проинформировали о фактическом завершении реконструкции стен на Коринфском перешейке. Но теперь император ставил вопрос о возвращении из венецианских владений на Пеллопоннесе его подданных, бежавших туда, по его словам, от чрезвычайных повинностей, вызванных ремонтом Гексамиллиона. Особо оговаривалось, что среди них имеются и матросы. Наконец, василевс просил о предоставлении ему или его сыновьям морских конвоев при перемещениях между Константинополем и Мореей.

Но не была ли обратная сторона в императорском послании? Сам факт того, что правитель ромеев разделял идею создания морской христианской лиги, на первый взгляд, являлся для Венеции положительным сигналом. Он давал надежду, что греки не планируют союз с Сигизмундом. Просьба императора об отправке к нему дипломата могла намекать на возможность после заключения морского соглашения допустить переговоры вене-

¹⁹ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise... № 1592; Jorga N. Notes et extraits... P. 238–239.*

цианцев с турками. Однако уже тут нельзя было исключать, что в качестве стороны переговоров византийский правитель предложит Мустафу. И это могло оказаться лишь первым его шагом к коалиции с римским королем. Такой шаг поставил бы и Венецию перед необходимостью подобного выбора. После этого попытка отыграть ситуацию назад, заключив договор с османами, означала бы ее фактический союз с ними.

Венеция была вправе опасаться такого развития событий. Содержавшийся в послании императора доклад о завершении Гексамиллиона мог быть истолкован как намек на готовность греков к войне. В сочетании с этим подозрительно выглядела просьба о возвращении византийских подданных, а особенно акцент на том, что среди них есть матросы. Последнее в случае столкновения Византии с турками легко могло явиться поводом для обвинения Венеции в косвенном содействии османам. И исходило бы оно уже не только от императора, а от целой антитурецкой коалиции. И конечно же, не просто так в обращении василевса вдруг ставился вопрос о предоставлении венецианских кораблей для его сопровождения. С одной стороны, венецианцы получали еще один повод подозревать, что византийский правитель, поручая им охрану своей безопасности, поступает так ввиду надвигающегося конфликта с султаном. С другой стороны, создавалась картина, предназначенная для самого турецкого лидера, которого тоже настораживали мотивы, побудившие византийцев к фортификационным работам на перешейке. На их фоне меры, принимаемые венецианцами для охраны императора, снова вели к мысли, что именно они толкают его к войне.

Укрепляя недоверие султана к Венеции, василевс одновременно продолжал давать повод для предположений, что он готовит союз с Сигизмундом. Очередной акт в этой игре был связан с Констанцским собором. 7 октября здесь было оглашено заявление польского короля Владислава II Ягайло (1386–1434), в котором выражалась надежда на скорое воссоединение его православных подданных с римской церковью²⁰. Формальным поводом для этой ноты служили успехи польской короны и княжества Литовского в вопросе крещения жемайтов. Но едва ли мог

²⁰ См. текст королевского послания Констанцскому собору: ACC. Münster, 1926. Bd. 3. S. 281–282.

ускользнуть от внимания тот факт, что от имени короля в Констанце выступал грек-католик Феодор Хрисовберг, известный как представитель ордена доминиканцев в Константинополе²¹. Фигура Хрисовберга словно намекала на византийское происхождение выдвинутой идеи. На самом же деле греки не просто спровоцировали инициативу короля Польши, но специально сделали это так, чтобы их след был заметен²². Поставленная цель была блестяще достигнута. В Венеции, конечно же, оценили декларацию, прозвучавшую в Констанце, заподозрив в ней подготовительный шаг византийцев к антитурецкой коалиции. Правители Польши и Литвы прекрасно подходили на роль посредников в этом. К тому же Владислав II Ягайло с 1412 г. был связан союзным договором с королем Сигизмундом²³.

Византийцы сделали очередной беспроектный ход. Невозможно было предположить какой-то иной мотив, который двигал бы ими на пути к церковной унии, кроме стремления получить в союзе с Сигизмундом помощь против турок. Выступление Хрисовберга стало лишь началом. 18 октября Ягайло и литовский князь Витовт (1392–1430) подписали во Львове обращение к Констанцскому собору, в котором выражали свои симпатии делу унии греческой и римской церквей²⁴. Декларация преподносилась как ответ на недавний призыв собора о помощи Сигизмунду против турок. Тем самым посылался недвусмысленный сигнал грекам. Оставалось лишь дать им возможность поддержать уже оглашенную инициативу.

Действительно, 15 ноября 1415 г. в Новогрудке правитель Литвы организовал собор западнорусских епископов, на котором главой Киевской митрополии был избран Григорий Цамблак. Без предварительного одобрения из Константинополя это бросало вызов законному митрополиту Фотию (1408–1431), находив-

²¹ О деятельности Феодора Хрисовберга см.: *Loenertz R.-J. Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergés et les negotiations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430 // AFP. 1939. Vol. 39. P. 5–61.*

²² *Пашкин Н. Г. Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива в византийской игре // АДСВ. 2024. Т. 52. С. 372–397.*

²³ Любавлянский договор от 1412 г.

²⁴ *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376–1430 / ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882. P. 331–332.*

шемся под патронажем Москвы. Но детали говорят о том, что правители Польши и Литвы, хотя и действовали в своих интересах, фактически играли по византийскому сценарию. Витовту и Ягайло был необходим новый митрополит, чтобы от имени восточной церкви он поддержал идею унии, высказанную светской властью. В результате греки получили бы повод к переговорам. Однако сначала они должны были выразить признание состоявшихся выборов митрополита. 13 декабря представитель польской делегации, прибывшей на Констанцкий собор, Анджей Ласкарь вновь подтвердил возможность скорого воссоединения православных с латинянами²⁵. С этого момента любой жест из Константинополя следовало рассматривать как возможный ответ на последние события. Реакцию восточного императора, безусловно, с надеждой ожидал король Сигизмунд. Он еще находился на юге Франции, но уже успешно завершил переговоры с Арагоном²⁶. Однако совершенно с другими чувствами на все происходящее смотрели из Венеции.

То, что все должны были принять за ожидаемый ответ с Востока, просто не могло не произойти. Грекам теперь требовалось отреагировать на ситуацию, которая именно для этого и была ими же спланирована. 8 февраля 1416 г. венецианский сенат принял византийского посла Николая Евдемоноиоанна²⁷. С момента последней ноты на Констанцком соборе в поддержку церковной унии прошло чуть менее двух месяцев. Таким образом, время вполне позволяло увидеть в миссии дипломата реакцию василевса и соответствующим образом понять ее.

О содержании того, что передал дипломат, следует судить по полученному им ответу. Главное заключалось в предложении императора Мануила II выступить посредником в конфликте между Венецией и Венгерской короной, т. е. Сигизмундом Люксембургом. Однако едва ли можно было ожидать, что в тот момент Венеция даст согласие на это. Предложение скорее было

²⁵ См. дневниковые записи участника собора Жака Черретана: ACC. Münster, 1923. Bd. 2. S. 266–268.

²⁶ Переговоры в Перпиньяне завершились в начале ноября 1416 г. согласием арагонского короля Фердинанда I признать Констанцкий собор.

²⁷ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1599; *Jorga N. Notes et extraits...* P. 243.

рассчитано на ситуацию, к которой еще только предстояло прийти, а пока отказ Республики был предсказуем. Ведь византийцы уже сделали многое для того, чтобы мотив императора был истолкован неверно. После заявлений на Константином соборе и выборов киевского митрополита слишком трудно было избежать предположения, что правитель ромеев видит будущее примирение Венеции с венгерским королем в рамках антитурецкой коалиции с собственным участием. Более того, под заданным углом зрения остальная часть послания, переданного Евдемоноанном, давала новые основания, чтобы так думать.

Император далее просил Венецию о том, чтобы та компенсировала часть затрат на строительство Гексамиллиона. Но подобное предложение должно было вызвать вопрос: почему правитель Византии не выступил с такой просьбой еще в июньском послании 1415 г., когда информировал Республику об идущих на перешейке работах? Не было ничего подобного и в сентябре, когда он сообщил об их фактическом завершении. Запрос, посылаемый именно теперь, в контексте текущей ситуации, вынуждал искать в нем особый смысл. Во-первых, это выглядело так, словно император уже не просто сигнализировал о готовности к войне, но снова косвенно давал понять, что возведенные укрепления служат их общим с Венецией интересам. Тем самым подтверждалась мысль, что решение о войне с турками принято им в расчете на союз с Республикой. Кроме того, если бы запрашиваемые средства действительно были выплачены, то теперь они могли быть использованы византийцами для найма и содержания воинского контингента, а также флота. Удовлетворив подобную просьбу, Венеция выразила бы свое согласие оказать косвенную помощь делу крестового похода. Однако в сочетании с появившимся ранее проектом морской лиги такая помощь автоматически оборачивалась бы прямым участием в войне с турками.

Фактически положительным ответом на вопрос, касающийся Гексамиллиона, Венеция уже дала бы императору повод для исполнения им посреднической миссии, которая ошибочно виделась ей в создании антитурецкой коалиции. Но это не входило в планы венецианцев. Отвечая византийскому дипломату, сенат заявил, что мир с венгерским королем возможен, но на почетных условиях. Таким образом, предложение о посредничестве не

было однозначно отклонено, но отказ немедленно его принять был мотивирован непониманием механизма соглашения. На самом же деле венецианцы поняли его, хотя и неверно, о чем свидетельствовал их ответ по второму вопросу. Венеция отказывалась вносить средства за строительство Гексамиллиона, объясняя это тем, что конфликт с Сигизмундом серьезно опустошил ее казну. Следовательно, ясно давалось понять, что она не считает возможным маскировать примирение с королем своим участием в крестовом походе.

У Венеции еще оставалась надежда, что ее ответ императору удержит его от союза с Сигизмундом. Ведь если в предложении о посредничестве виделся намек на совместный поход против османов, то отказ василевсу мог подорвать его веру в подобное предприятие. Сохранялась вероятность, что теперь правитель ромеев ограничится лишь ставкой на конфликт султана и принца Мустафы. Такой сценарий вполне допускал и реализацию морского соглашения, а потому в корне не противоречил стратегическим интересам Республики. Но если исходить из этих ожиданий, то надо признать, что следующий шаг императора оказался для нее худшим из возможных.

Николай Евдемоноиоанн, выполнив порученную ему миссию в Венеции, направился на Констанцкий собор. Его появление там засвидетельствовано в конце марта 1416 г.²⁸ Дипломат прибыл вместе с сыном Андроником. Правда, ни о каких официальных контактах византийцев с церковным собором ничего неизвестно, но этому теперь тоже есть объяснение, подтверждающее гипотезу о цели пребывания в Констанце годом ранее Мануила Хрисолоры. Находясь лишь в статусе почетных гостей, греки могли вести частные, ни к чему не обязывающие разговоры, создающие впечатление о том, что ими движет потребность в западной помощи против турок. Слухи, связывающие этот мотив с темой церковной унии, оставили след в источниках, но ничего больше грекам и не требовалось. Они продолжали вести игру, в которой, старательно маскируя свою истинную цель, заставляли других невольно работать для ее достижения. Их визит

²⁸ Согласно сообщению посланника Кельнского университета на Констанцском соборе, греческая делегация прибыла незадолго до 25 марта 1416 г. См.: *Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). S. 52–54.*

на Констанцкий собор был плохим сигналом для Венеции, но хорошим знаком для короля Сигизмунда, который в начале марта 1416 г. уже прибыл с миротворческой миссией в Париж²⁹.

Призрак западной коалиции, к которой стремился римский король, с перспективой присоединения к ней Византии бросал опасный вызов Венеции. Одновременно Республику беспокоили турки – в конце 1415 г. османы совершили морской набег на венецианскую Эвбею. Все более насущной проблемой становились акты пиратства в Эгейде³⁰. При этом Венеции посылались сигналы о том, что султан Мехмед I настроен на заключение договора³¹. Но Республика не решалась на преждевременный прямой контакт с ним. Слишком серьезным было опасение, что за этим последует шаг византийского императора в сторону Сигизмунда или принца Мустафы. К тому же были допустимы и оба варианта в одном сценарии.

В начале весны 1416 г. могло показаться, что подобные опасения начали сбываться. Скорее всего, во второй половине марта в Венеции получили сведения об отъезде Мануила II из Мореи в Константинополь³². Василевсу ничего не стоило, чтобы эта информация пришла вовремя. В силу имевшейся договоренности он имел право запросить себе морской конвой у венецианских властей на Пелопоннесе. Теперь был повод предположить, что его решение о возвращении в столицу прямо связано с результатом недавней миссии Николая Евдемоноиоанна, как и решение направить того на Констанцкий собор. Все указывало на то, что византийцы, дождавшись успешного завершения миротворческой миссии Сигизмунда на Западе, наконец, выступят в поддержку унии церквей и тем самым откроют королю дорогу к антитурецкой коалиции.

Разыгрываемый греками сценарий своей правдоподобностью требовал от Венеции принятия немедленных мер для его

²⁹ *Reitemeier A. Aussenpolitik im Spätmittelalter... S. 283.*

³⁰ *Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908. Bd. 1. S. 371.*

³¹ Соответствующими сигналами мотивировалось решение сената от 23 июля искать возможность для переговоров: *Régestes des délibérations du Sénat de Venise... № 1583.*

³² Император прибыл в столицу не позднее 25 марта 1416 г. См.: *Barker J. W. Manuel II Palaiologus... P. 334.*

предупреждения. Поэтому закономерными выглядят решения сената от 31 марта и 2 апреля 1416 г. Первым из них было назначение посла Дольфино Венье для переговоров с турецким султаном³³. На второй день после этого дипломат получил соответствующие инструкции³⁴. В первую очередь ему следовало выразить претензии по поводу недавнего разорения турками Эвбеи. Но основная цель сводилась к заключению договора, образцом которого служило соглашение, существовавшее ранее между Республикой и Мусой Челеби, предшественником Мехмеда I. Особенно важным было требование о запрете появления военных кораблей османов в Эгейском море.

Поставленная перед послом задача осложнялась тем, что предстоящую дипломатическую миссию следовало сопроводить демонстрацией силы. В Венеции, разумеется, понимали, что султан добровольно не пойдет на соглашение, тем более требующее ликвидации военного присутствия турок на море, если прежде с политической сцены не исчезнет Мустафа. Но Венеция была не в состоянии выполнить это условие. Здесь венецианцы оставались заложниками непредсказуемого поведения византийского императора. Им следовало быть готовыми к тому, чтобы в крайнем случае поддержать турецкого принца против султана, если бы не осталось иного способа удержать ромеев от союза с Сигизмундом. План разделения османской державы, при необходимости навязанный византийцам, выглядел для Венеции предпочтительнее, чем участие Константинополя в крестовом походе на стороне западной коалиции.

Указанные мотивы объясняют нам второе решение сената, последовавшее в тот же день, когда были даны инструкции Дольфино Венье. Речь шла о назначении на должность капитана Залива Пьетро Лоредана, тут же получившего подробный план действий³⁵. На Пелопоннесе ему предстояло собрать все доступные военные галеры, чтобы затем в Негропонте сформировать

³³ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1608; *Jorga N. Notes et extraits...* P. 245.

³⁴ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1609; *Jorga N. Notes et extraits...* P. 245–246.

³⁵ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1610; *Jorga N. Notes et extraits...* P. 247–248.

эскадру численностью до 12 кораблей. Далее перед адмиралом стояла задача в сопровождении дипломата двигаться в направлении Галлиполи, имея приказ по пути захватывать любое вооруженное турецкое судно. Именно из Галлиполи послу затем предстояло искать встречи с султаном, а венецианская флотилия должна была продолжить путь до Константинополя. Там, согласно инструкциям, адмиралу полагалось пригласить на борт венецианского байло и близких к нему граждан Республики, чтобы получить от них сведения о Мустафе и его возможных союзниках. В Константинополе же командующий должен был дожидаться Венье с результатами порученной ему миссии. В случае, если бы дипломат заключил договор с султаном, флотилию следовало вернуть в Негропонт. При ином исходе необходимо было отправить в Венецию доклад о консультациях с байло. Очевидно, что тогда адмирала ждали бы новые распоряжения, предполагавшие вступление в союз с османским принцем.

Приведенные данные позволяют сделать определенные выводы. Планы венецианцев, как нетрудно заметить, не предусматривали никаких контактов с византийским императором. Таким образом, ставка делалась на то, чтобы поставить правителя ромеев перед свершившимся фактом соглашения Республики с османами. Сам этот шаг виделся убедительным средством для предотвращения альянса Византии с римским королем. Но если бы договор не состоялся, эту же цель Венеция намеревалась достичь уже в коалиции с Мустафой. И если в первом случае вооруженная сила могла понадобиться только для демонстрации, то во втором ее применение стало бы неизбежным.

Впрочем, вероятность столкновения была высока и при первом сценарии. Этому немало поспособствовал еще один эффектный ход императора. Во время возвращения василевса из Морей в Константинополь произошла его личная встреча с султаном Мехмедом I на борту императорской галеры вблизи Галлиполи³⁶. Она, конечно же, не была случайной. По-видимому, греки специально позаботились о том, чтобы предоставить такую возможность султану, который не мог не воспользоваться ею. Для последнего в тот момент было крайне важно продемонстри-

³⁶ Об этом факте сообщает византийский историк Михаил Дука. См.: Ducae Historia turcobyantina (1341–1462) / ed. V. Grecu. Bucureşti, 1958. XX, 8.

ровать василевсу свою заинтересованность в сохранении мира. Нетрудно поэтому предположить содержание их беседы. Скорее всего, император выразил те же чувства, но постарался укрепить недоверие своего высокого гостя по отношению к венецианцам. Впрочем, слова для этого ему и не требовались. Османскому правителю достаточно было картины, к созданию которой василевс предусмотрительно приложил руку. Его судно шло в сопровождении венецианского эскорта. На почве недоверия султана к венецианцам это давало ему еще один повод считать, что те относятся к императору как своему потенциальному союзнику.

Греки сделали все, чтобы две стороны, одинаково желавшие избежать конфликта, сошлись в вооруженном столкновении, в чем позднее обвиняли друг друга. Подробное описание события легло в основу доклада венецианского адмирала Пьетро Лоредано. Представленные в нем сведения дополняют некоторые детали из византийских источников. Здесь имеет смысл обратить внимание лишь на некоторые подробности.

Венецианская эскадра, вошедшая в Дарданеллы 27 мая 1416 г., застала морские силы турок у Галлиполи и гарнизон крепости явно готовыми к сражению. Обстрел с берега вынудил венецианцев отойти на безопасное расстояние, а предпринятая ими попытка войти в контакт не вызвала доверия. Надо признать, что переданное турецкому коменданту Галлиполи сообщение о мирных намерениях и желании переговоров с султаном выглядело крайне неоднозначно. На фоне военной демонстрации оно давало другой стороне повод предположить, что целью являются не переговоры, а вручение ультиматума. И турки даже имели основания догадываться о его возможном содержании. В связи с этим показателен ответ османского командующего венецианскому адмиралу – он не отказал в переговорах, но посчитал нужным донести до него, что собранный в Дарданеллах турецкий флот предназначен якобы для экспедиции на Дунай против Мустафы. Такая цель действительно могла быть. Однако едва ли против османского принца планировался столь сложный по маршруту и ограниченный морскими силами поход. Сказанное явилось отражением того, что в качестве союзников Мустафы турки заранее готовились встретить венецианцев, о чем те и получили соответствующий намек. Нельзя забывать, что они и сами всерьез допускали для себя такой вариант.

В этих условиях любое неосторожное движение могло дать повод к началу сражения. По свидетельству Дуки, роковую роль сыграло появление со стороны Константинополя генуэзской галеры, в действиях которой венецианцы, приняв ее за турецкий корабль, увидели угрозу нападения. Их ответные меры вызвали вооруженную реакцию османов, также посчитавших судно своим. Однако на самом деле этот эпизод, если он и имел место, лишь завершил цепь событий, спровоцировавших битву у Галлиполи 29 мая 1416 г. Прежде чем сделать вывод о ее политическом значении, следует обратить внимание на некоторые последствия того события.

Согласно докладу адмирала Лоредана, венецианцами было взято в плен более тысячи человек, в числе которых были названы критяне, генуэзцы, провансальцы, каталонцы и сицилийцы. По приказу командующего все они как ренегаты были казнены³⁷. О количестве плененных турок специально не сообщалось, хотя известно, что они впоследствии станут предметом торгового обмена венецианцев с султаном³⁸. Несколько иную версию, касающуюся участи пленных, передает Дука. По его словам, все они были доставлены на Тенедос, где турки якобы были казнены, а христиане разделены. Над теми, кто служил османам по собственной воле, также была учинена жестокая расправа, а находившиеся у них по принуждению были помилованы³⁹. Относительно судьбы турецких пленников автор, скорее всего, заблуждался, но важнее обратить внимание на другое обстоятельство.

В сообщении венецианского командующего не были упомянуты греки, хотя присутствие последних среди пленных также не подлежит сомнению⁴⁰. Кроме того, в отношении сведений, исходящих от византийского автора, возникает вопрос: каким способом могла быть установлена причина, по которой тот или иной

³⁷ *Manfroni C.* La battaglia di Gallipoli... P. 146; *Antoniadis S.* Le récit du combat... P. 273–274; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1982. S. 97.

³⁸ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1641.

³⁹ *Ducae Historia...* XXI, 8.

⁴⁰ Вопрос о пленных греках стал предметом переговоров византийского императора с Венецией в июле 1418 г. См.: *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1705.

христианин оказался на службе в турецком флоте? Едва ли венецианцы верили пленным на слово, так как расплатой за него становилась жизнь. Здесь можно предположить, что по умолчанию именно греки и были признаны оказавшимися на службе у османов по принуждению. Это был хороший предлог, чтобы не только помиловать их, но и вовсе не упоминать в отчете адмирала. И на то у венецианцев имелись вполне определенные причины.

Без упоминания греков и турок список пленных, если не считать в нем жителей венецианского Крита, оказывался перечислением групп христиан западного происхождения. Тем самым косвенно бросалась тень на силы, представлявшие латинский Запад, которые вскоре могли оказаться среди союзников Сигизмунда и организовать морской блок в составе антитурецкой коалиции. Особенно это касалось геновцев и подданных арагонского короля – каталонцев и сицилийцев. Но то же самое относилось и к провансальцам, если принять во внимание, что весной 1416 г. Сигизмунд был в Париже и успех его политики на Западе мог привести в союз с королем графа Прованса Людовика II Анжуйского (1384–1417). Свою победу в Дарданеллах Венеция теперь могла использовать для политической пропаганды, дискредитирующей ее соперников и ставящей под сомнение исключительную роль короля Сигизмунда как лидера христианского мира в антитурецкой борьбе. Неудивительно, что описание и трактовка венецианцами произошедшего события наделяла их экспедицию в Дарданеллы признаками крестового похода⁴¹. Хотя конечной целью Венеции по-прежнему был договор с султаном, у ее противника уже не могло быть никаких аргументов, чтобы обвинить Республику в сговоре с турками.

Однако за пропагандой Венецией своего военного триумфа скрывался тот факт, что политические результаты битвы у Галлиполи ей не принадлежали. Это видно уже из того, что в течение еще нескольких лет морская республика так и не смогла прийти к заключению нужного ей соглашения с османами⁴². Подлинные плоды сражения пожинали византийцы. В новой ситуации принуждение Венеции к участию в антитурецком походе стало невозможным, тогда как на это и была рассчитана политика

⁴¹ *Christ G.* News from the Aegean... P. 145.

⁴² Осmano-венецианский договор был заключен в ноябре 1419 г.

Сигизмунда Люксембурга. Республика Святого Марка не только продемонстрировала, что она уже добыла христианам долгожданную победу, но и негласно возвращала своим врагам обвинения в помощи османам. Однако, как и прежде, в вопросе о переговорах с турецким правителем Венеция оставалась зависимой от василевса. Успех в сражении лишь дал ей право считать, что такой ценой она предотвратила альянс римского короля с правителем ромеев. Но то был мираж, специально созданный греками. Уничтожив его чужими руками, византийцы фактически разрушили планы Сигизмунда по созданию антитурецкой коалиции. Решив эту задачу таким незаметным способом, они получили моральное право сделать вид, что идея церковной унии временно потеряла свою актуальность.

Без поддержки Византии шансы короля оказать давление на Венецию становились еще слабее. А потому и перспектива крестового похода оказывалась сомнительной, но не исчезла навсегда, как и предположение, что при благоприятных условиях греки поддержат ее. Это заставляло и Сигизмунда, и Венецию, и турецкого султана вновь направлять свои взоры в сторону восточного императора. И именно это позволяло ему создавать из паутины геополитических противоречий хрупкое равновесие, старательно маскируя его как свою главную цель, продлевающую жизнь Византии.

REFERENCES

Antoniadis, S. (1966). Le récit du combat naval de Gallipoli chez Zancaruolo en comparaison avec le texte d'Antoine Morosini et les historiens grecs du XVe siècle. In A. Pertusi (Ed.), *Venezia e l'Oriente fra tardo medioevo e rinascimento* (pp. 267–281). Firenze: Sansoni.

Barker, J. W. (1969). *Manuel II Palaiologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick: Rutgers University Press.

Catafau, A., Jaspert, N., & Wetzstein, T. (2018). The Meeting of Perpignan (1415). Approaches to an Underestimated Event. In A. Catafau, N. Jaspert, & T. Wetzstein (Eds.), *Perpignan 1415. Un sommet européen à l'époque du Grand Schisme d'Occident* (pp. 1–27). Zürich: Lit Verlag.

Christ, G. (2018). News from the Aegean: Antonio Morosini Reporting on the Battle of Gallipoli (Early 15th Century). In S. Kolditz, & M. Koller (Eds.), *The Byzantine-Ottoman Transition in Venetian Chronicles* (pp. 139–162). Roma; Venezia: Viella.

Dennis, G. (1967). The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. *Orientalia Christiana Periodica*, 33, 72–88.

Битва у Галлиполи 1416 г.: византийский след

Dölger, F. (1965). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453* (Vol. 5). München; Berlin: C. H. Beck.

Finke, H. (Ed.). (1896–1928). *Acta Concilii Constanciensis* (Vols. 1–4). Münster: Druck und Verlag der Regensburgschen Buchhandlung.

Greco, V. (Ed.). (1958). *Duciae Historia turcobyzantina (1341–1462)*. București: Editura Academiei Republicii Populare Romine.

Jorga, N. (1899). *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle* (Vol. 1). Paris: Ernest Leroux.

Jorga, N. (1908). *Geschichte des Osmanischen Reiches* (Vol. 1). Gotha: Perthes.

Kastritsis, D. J. (2007). *The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden; Boston: Brill.

Kolditz, S. (2017). Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 67, 43–64.

Loenertz, R.-J. (1939). Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergés et les negotiations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430. *Archivum Fratrum Praedicatorum*, 39, 5–61.

Manfroni, C. (1902). La battaglia di Gallipoli e la politica veneto-turca (1381–1420). *L'Ateneo Veneto. Rivista di scienze, lettere ed arti*, 25(2), 3–34, 129–169.

Matschke, K.-P. (1982). *Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur späbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422*. Weimar: Böhlau.

Melville-Jones, J. (2018). The Battle of Gallipoli 1416: A Detail Rescued from a Chronicle. *The Medieval Chronicle*, 11, 213–219.

Mollaoğlu, F. K. (2009). “Düzmece” olarak anılan Mustafa Çelebi ve Bizans (1415–1416/17) [The So-Called “False” Mustafa and Byzantium (1415–1416/17)]. *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi*, 49(2), 173–185. https://doi.org/10.1501/Dtcfder_0000001210

Mureşan, D. I. (2010). Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue. In E. Mitsiou, M. Popović, & J. Preiser-Kapeller (Eds.), *Emperor Sigismund and the Orthodox World* (pp. 41–102). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Pashkin, N. G. (2021). Vizantiia i Zapad na puti k Konstantsskomu soboru [Byzantium and the West on the Way to the Council of Constance]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 277–304. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.018>

Pashkin, N. G. (2023). Vizantiiskaia zagadka Konstantsskogo sobora: k voprosu o motivakh imperatora Manuila II Paleologa [Byzantine Riddle of the Council of Constance: The Problem of the Motives of Emperor Manuel II Palaiologos]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 51, 432–451. <https://doi.org/10.15826/adsv.2023.51.024>

Pashkin, N. G. (2024). Ideia tserkovnoi unii na Konstantsskom sobore: polskaia initsiativa v vizantiiskoi igre [Idea of the Church Union at the Council of Constance: The Polish Initiative in the Byzantine Game]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 52, 372–397. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.021>

Prochaska, A. (Ed.). (1882). *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376–1430*. Cracoviae: Academiae Literarum.

Н. Г. Пашкин

Reitemeier, A. (1999). *Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422*. Paderborn: Schöningh.

Sathas, K. N. (Ed.). (1882). *Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen âge* (Vol. 3). Paris: Maisonneuve et cie.

Thiriet, F. (Ed.). (1959). *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie* (Vol. 2). Paris: Mouton & Co.

Wakouning, M. (1990). *Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum*. Wien: VWGÖ.

Zakynthos, D. A. (1932). *Le Despotat grec de Morée (1262–1460)* (Vol. 1). Paris: Société d'édition les "belles lettres".

Пашкин Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: ngpaschkin@yandex.ru

Pashkin, Nikolai Gennadievich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Mediaeval History Department
Ural Federal University

51 Lenina Ave, Ekaterinburg, 620000 Russia
Email: ngpaschkin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0615-568X>